

6+

Алексей Рыжаков

ПОЛЕ БРАНИ

Алексей Рыжаков

ПОЛЕ БРАНИ

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Рыжаков А. Н.

ПОЛЕ БРАНИ / А. Н. Рыжаков — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Все читали в детстве сказки о русских богатырях Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алёше Поповиче, а многим даже знакомы и другие герои. У каждого из них были свои сказки, посвященные личным подвигам и сражениям с не менее яркими противниками. Но представьте, а что если бы над Русью нависла такая угроза, что единственным спасением было бы объединение абсолютно всех известных богатырей? Перед Вами именно такая история! Это, можно сказать, кроссовер, где все широко известные и не очень герои и злодеи древнерусского сказочного эпоса сойдутся в невиданной ранее битве добра со злом!

© Рыжаков А. Н., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

0

Море Тенг гнало воды свои на скалистый берег волнами чёрными, будто желая обрушить твердь земную в пучину свою. Над бурей этой на вершине горы возвышался древний град белокаменный, заложенный зодчими эллинскими во времена давно уж минувшие. Ныне хозяйничали в нём хазары, после того как их много лет тому назад прогнали русичи с земель меж Тенгом и Хвалунью, ещё до нашествия ордынского. С тех самых пор выпестовывали они планы чёрные, коими отмщение принести желали своим обидчикам. Казалось уже не сбыться их тайным чаяньям, когда дошла весть до царя их, Жидовина Козарина, что снова скинули русы ярмо владычества басурманского. В тот же час разослал он гонцов всем, кто извести желал землю русскую.

Из-за земель дальних за водами Тенга приплыли корабли и лодии, коим нет числа, под главенством Салтана Салтановича, царя турецкого. Давно он мечтал дотянуться до просторов, что за водной преградой расстилаются да манят своими богатствами. Не преминул явиться на зов и наследник Воронко сгинувшего, сын его Идолище. Обещал он привести из Орды полчища тёмные, дабы отомстить за гибель пращура. Прислал гонцов своих с поклоном и князь Кудрёванко, что правил своим княжеством меж Киевских и Ляховицких земель. Будучи под игом ордынским платил дань исправно он, и потому не страшился учинять зверства даже над людом своим собственным. Но теперь положение его шатким стало без поддержки татарской, не ровен час, как на дыбу подымут того его же прислужники. Клялся Кудрёванко прислать свои рати, куда надобно, покровителей своих скорей поторапливая. Явились в град некогда эллинский и сотники ляховицкие, кобели меделянские, в обход воли княжны своей Василисты Микуличны. И сказали ляхи непокорные, что не указ им княгиня трусливая, и они сами освободят своего князя-батюшку.

Начали было уже вороги духа русского совет держать, как им одолеть в одночасье с колен вставшую Русь вольную, как явился сюда ещё один гость, хоть и незванный Жидовиним. Платье его с богатым узорочьем, да волосы русые выдавал в нём особу знатную, вхожую княжеский двор стольного града Киевского. Голос раздался тихий его:

– Шлёт приветствие вам Владыка мой...

Испугались сначала царьки да послы, злоумышленники – чай, Владимир прознал про замысел тёмный их, но промолвил он:

– Мой повелитель – не князь, ненавистный вам, киевский. Он из тех, кто желает извести эти земли поганые больше каждого из вас здесь стоящего.

– Как же звать твоего Властителя? – Вопрошали злодеи мужу незваному.

– Имя знать его вам не надобно. Сюда он послал меня, дабы сообщить, что пока стоит на защите Руси богатырь Илья Муромский, не исполнить вам вашего замысла...

Всем известен был сей добрый молодец, слава о коем гремела, поди, по всему свету белому. Где ни явился бы он, там несёт врагам своим поражение.

– Однако слуги моего властителя подсобят вам принести Илье Муромцу погибель страшную. След вашим полчищам собраться у Камы-реки, там же волей своею Владыка мой, заманить дабы витязей русских, скроет их от глаз посторонних долой...

– А откуда нам знать, что не брещишь ты, холопина дворянская?

Усмехнулся посланник таинственный не по-доброму и длань протянул свою, на море указывая. Видят тут заговорщики, как из пучины морской волна идёт исполинская, и затопит вот-вот их убежище. Испугались они не на шутку все, голося от страха кромешного, как гряда водяная застыла вдруг, словно холодом скованная.

– Вот вам честное слово моё, – проронил Чародей и сгинул вмиг, а вода на земь ливнем обрушилась...

1

Как всегда, базар шумел без устали и людьми с утра до ночи полнился.

Некогда здесь стояла небольшая деревенька, коею называли Сорочинской. Имя она получила, как водится, от протекавшей здесь речушки Сорочинки, окружённой полями да лесами дремучими. Но изменилось всё. Не звонил уже колокол церквушки с куполами-луковками, не кричали поутру петухи, за соху призывая народ православный. С тех пор как раздор пришёл на земли русские, место это становищем выбрал себе хан Воронко, Большой Орды ставленник, откуда ходит он отныне землю русскую зорить и грабить. Не прошло и года, как превратилась Сорочинская в рынок невольничий, собиравший купцов со всего света от Византии до Каганата осколков и Орды самой.

Чего здесь только не было! Среди снеди невиданной и утвари, коней да скотины прочей, стояли невольники в цепях да рубищах рваных, коих в полон взяли после набегов татарских. Кого потом морскими путями через Тенг и Хвалунь дальше отправят, а кого и в Сарай в Большую Орду повезут. Торговцы криками завлекали купцов да зевак праздных на товар подивиться свой, предлагая и засапожники сарские, и коней красных обьезженных, и даже омуженнок из самого царство Дивьего. Толпа необъятная собралась вокруг юркого торгоша, обещавшего показать красу невиданную, скрытую под полотнищами шёлковыми в клетках золочённых. И даже тот, кто мимо просто проходил, а окидывал-таки взглядом то, что было за спиной торговца ушлого, дабы узреть хоть краем глаза эку невидаль...

Однако прошли мимо балагана этого дородные добрые мбодцы, на вид силачи, некоторые красавцы, одетые кто в шубы соболиные или гуни расшитые, а кто в лапотки семи шелков, с вплетённым в носке камешком самоцветным. Костюм их роскошный дополняли сумки из рыжего бархата да кюки из дорогого рыбьего зуба и шляпы земли греческой. Кто ни глянет на них, так ясно становится, мол, наверняка это какой-нибудь княже явился за ярлыком к хану Воронко, кто ещё мог в сие время несладкое в роскоши такой щеголять?

Заметил их и Илья, по рукам и ногам скованный цепью, что разодрала за весь поход от Карачаровки самой, что недалече от Мурома, руки да ноги в кровь. Несладко пришлось отроку этому после пленения, не смотря на годы свои, был он ростом хоть и не мал, да слаб и немощен, боялись односельчане Илюшины, что по дороге преставится. Незнамо конечно, может и к лучшему оно было бы. Во время набега басурманского погибли родители его престарелые: отец Иван Тимофеевич и матушка Ефросинья Яковлевна, оставив его на свете этом одного одинёшеньку... Сидел он ни жив ни мёртв, смотря взглядом безразличным на купцов заморских на него глядящих. И думал он, как же получается так, что люди на вид и не лютые вовсе, а смотрят на горе людское с таким безразличием, да ещё выгоду найти пытаются? А узрев приближающихся молодцев с сумами рыжими, так и вовсе в отчаяние впал, хотя и не думал, что ещё сильнее мог впасть в него. Ведь торгоша эти на вид были люди русские, и кресты православные на груди своей носили они! Ладно, иноземцы подлые, что взять-то с них? Но свои?! Свои же сородичи! Нажиться на горе тоже приехали. С ненавистью лютой Илья глянул на людей этих, что хуже басурман ему показались. Даже сила откуда-то явилась к нему, что поднялся он на ноги, мол, вот он я, нелюди проклятые. Подойдите только ко мне, хоть погублю себя этим, да покажу вам, ироды...

Молодцы сразу заметили его. Зашептались меж собой, перстами на него указывая, но не подошли к нему. Один из них подозвал торговца. Илья помнил, что говорили про него, на рынок выгоняя, мол, и за так отдадим в довесок, а то кабы не помер сам, а тут увидел басурманин, что молодцы заинтересовались отроком, так видно цену стал набивать, утверждая, мол, полон уже продан весь, негоже сделку нарушать ему... И видно на цене не могли они сойтись никак, как вдруг подошёл к ним ещё купец один... Хоть и кафтан на нём был заморский с узорочьем всяческим, да только лик его выдавал в нём русича и никого иного. Илье сразу бросились в глаза его аккуратная холёная борода, серьга в ухе и пронзительно красные сапоги.

Выслушав торгоша и не торгуясь, купец вручил тому мешочек с серебром, и, бросив последний полный пренебрежения на невольников взгляд, пошёл прочь.

Как оказалось, им и был куплен весь полон. Не особенно церемонясь с ними, слуги торговца погнали их нагайками через рынок весь к запряжённым повозкам. Измученные пленники, освобождённые от цепей, стали по очереди забираться в телеги. Беспokoйно шепча, гадали они, куда повезут их? – за море али в степи Орды бескрайней? Однако, как пришёл черёд Ильи, его вытолкали прочь и повели в сторону ворот. Односельчане бросили грустные взгляды на отрока, но не по силам им было что-либо поделать с этим, и они, опустив головы, продолжили набиваться в повозки. Когда погрузка наконец закончилась, кони заржали и поволокли телеги, направляясь на юг. Илью же вывели прочь за противоположные ворота на тракт и оставили одного. Руки и ноги нещадно болели и кровоточили, сил куда-либо идти просто не было, но оставаться здесь нельзя было ни в коем разе. И более не оглядываясь, пошёл Илья по дороге туда, куда чутьё его внутренне с уверенностью какой-то невиданной указывало в сторону, где родная земля его, Карачаровка. Многие вёрсты пути лежали впереди, не одной заставой татарской перекрытые, но не тревожило это отрока муромского, ибо знал, что чутьё, в нём незнамо как пробуждённое, покажет тропы, коими обойти басурманских пограничников сможет он...

И вдруг не возьми откуда вышли ему навстречу давешние молодцы с рынка невольничьего, что выкупить его собирались, да не выторговали... Однако, приблизившись, увидел Илюша, что заместо платьев роскошных и кафтанов одеты сии путники в лохмотья да рубища, заместо сапогов да гунь обуты в разбитые лапти, заместо клюк посеребрянных – посохи деревянные сбитые, а вместо сум бархатных на плечах торбы худые дорожные висят. Молодость да статность лиц дородных, здоровьем пышущих, заменили морщины летов многих да дорог, пройденных под солнцем нещадным и в ветрах колющих. И признал в них Илья тотчас каликов перехожих, что из одного конца Руси в другой прохаживают по замыслу только их ведомому.

– Ну, здравствуй буди, добрый молодец! – Обратились к Илье калики. – Как звать тебя? Куда путь свой держишь?

– Имя моё Моровлин Илья Иванович. Домой иду, в родную сторонущу, к городу славному Мурому, в Карачаровку.

– Ох нет уж, поди, там никого, отрок несчастный ты. Разорили татары дом твой, сожгли терема да избы, нивы вытоптали, не успела дружина из Муромы на подмогу. Явились лишь на пожарище. Некуда тебе возвращаться...

Но не стал Илья печалиться больше прежнего, ибо знал это и без вестей каликовых.

– Знать пойду к городу стольному Киеву, правды искать да справедливости, а коль сыскать не смогу, так в дружину вступлю, да на супостата выдвинусь...

– Боюсь, не найдёшь ты справедливости в Киеве с князем нынешним, что ярлык выторговал, да сидит в хоромах своих, за дружиною прячется... – Молвил старший из путников. – Коль правды ищешь, дорогу укажем тебе, да выведем.

– Где ж её искать, скажи, батюшка.

– Не просто так пути ведаешь, отмечен Роком ты. Искали мы тебя годы долгие, всю Русь исходили вдоль и поперёк мы не раз. И вот, слава Роду, нашли тебя...

– О чём же молвите вы? Не взять мне в толк...

– Рок тебе исполнить вскоре следует, Илья Муромец. Сорок сороков своих отслужил Святогор уже. Наследником его будешь ты...

2

Дорога отныне лежала их в Горы Святые, что людом мирским Камнем именуются. Путь не близкий был, сотни вёрст никем троп нехоженных. Однако, к удивлению Илюшиному, и месяц не сменился луною новою, как пришли они, дорогу окончивши. Неведомо отроку было

каким волхованием калики сотворили чудо такое, казалось, шли они, никуда не сворачивая, рек вброд не переходя, лесом дремучим не хаживая, а вот они Горы Святые над горизонтом виднеются.

– Скажите мне, калики вы перехожие, каким чудом мы у Камня вдруг оказались? – Спросил Илья Муромец.

– Испокон веков пути нам ведомы. Ещё когда Явь от Нави вышла только лишь, народ наш Дажь-Богом одарен был. Несли мы весть его по миру, взывая людей к благодарности. С тех пор и ходим мы по Свету Белому, когда и в Навь заглядуем. Тебе, как видно, тоже знание наше ведомо, хоть и не знаешь сам того.

– Явь и Навь говорите вы? Мне в толк всё речи ваши не взять совсем.

– Князьки тёмные да попы чёрноризные сделали дело своё чёрное, не ведают отныне русичи прошлого своего. Кривда всюду и раздор. Узнаешь всё ты, когда время придёт, уверен будь. А теперь пошли знакомиться, вон навстречу нам идёт наставник твой, Святогор.

И видит Илья, как из-за гор поднимается богатырь роста невиданного. Шлем его выше облаков возвышается, копьё до светила самого достаёт, борода белая ветрами развивается, а от поступи его лес колыхается... Но сморгнул Илья видение и зрит, что не исполин подходит, а хоть и богатырь, но роста привычного.

– Ну, здравствуй, Илья, добрый молодец. Вот и встретились. Долго ждал тебя я, уж поверь ты мне на слово. Срок мой миновал давно, а смена не сыщена. Но услышаны мы Родом были, нашли тебя калики...

3

И началось учение отныне Илюшино премудростям каликовским и наущениям пути видеть и по ним хаживать. Святогор же Рок открыл Илье, как когда-то ему его указали.

Судьбой тому предназначено стать хранителем врат между Явью и Навью, то есть между нашим миром и миром потусторонним. Оказалось же, что живёт Святогор уже несчётное количество лет. Когда был он таким же отроком, врата эти открытыми стояли, и в Явь являлись через них существа чуждые всему земному, и несли они за собой только зло, ненависть и противление всему сущему. И мало кто мог противостоять им среди людей. Лишь калики перехожие, обладающие способностью переходить из Яви в Навь, могли хоть как-то выстоять супротив Змиев и прочих чудищ. И однажды открылась им знание – среди людей живёт дитя миров обоих, ибо отец его родом из Нави самой, а матушка – земная женщина. И от того имеет силу он нечеловеческую, и потому единственный, кто способен отпор дать посланцам мира иного. Святогор же ничего не ведал о происхождении своём, и тем паче – предназначении, но как выяснили калики – отец его сам Дажь-Бог, владетель Нави, и рожден Святогор был, чтобы восстановить равновесие между двумя мирами. Но не имел разумения о том исполин юный, и потому впустую он силу свою растрчивал. Но калики отыскали его и открыли тайну ему его рождения и Рок Родом даденный. Святогор одолел всех чудищ и загнал их обратно в Навь. И стал он хранителем врат, избавив тем самым мир людей от страха лютого да горестей. Но от того стали они враждовать друг с другом отныне. Позабыли истоки свои, своих пращуров и веру вещую, и в мир воротились зло и ненависть лютые...

Позабыл свои печали бывшие Илья Муромец, с головой кинулся в омут учения, ждал с нетерпением он, когда Святогор отдаст свой меч-кладенец ему во владение, коим только лишь чудищ Навью посланных одолеть возможно. На вид Илюша хоть исполином и не был, да сил ему занимать не надобно стало. Жилы сухие, на правиле выпестованные, в купе с каликовским умением давали способность предвидеть угрозу да отпор дать немедленный.

Близился час испытания, Илюшей столь ожидаемый, как случилось вдруг повстречать ему деву прекрасную... Явились однажды к Святогору калики с вестями о жизни люда русского, а среди них прекрасница юная, Горынинка, взятая перехожими на учение. Сгинули в

распрях русичей с ляховцами мать и отец её милые, осталась она одна одинёшенька, как давеча сам Илья Иванович. И вспомнил тут же отрок о жизни мирской, коей и не пожил вовсе, и забыл о наказе ему даденном, ждаль стал весточки от Горынинки и встречи новой с избранницей.

Увидел печаль да смятение у Илюшеньки Святогор и молвил отроку, мол, негоже уходить из мира с сердцем тяжёлым и сожалением. И дал наказ ему тотчас же – должен он прежде чем Рок свой исполнять, жизнь мирскую прожить со всеми её горестями и радостями, а уж потом должно ему будет вернуться к Святым Горам, но пред этим надобно найти ему камень неподвижный у реки Непра, а под ним в тайнике – меч-кладенец. Воспротивился сразу Илья и вопрошал у наставника – Кто же стеречь будет врата из Нави от чудищ злобных?

На что ответил Святогор, что коль срок ему подошёл, уйдёт он, как было заповедовано, на ту сторону, и заперёт врата доколь не явится обратно сам Илья, а минёт лишь сорок лет с сего дня, и воротится Илья да отопрёт их мечом Святогоровым. А не вернётся коль Илья Муромец в срок, знать, закрытыми быть им до скончанья веков. Зароптали калики, ибо ведома им была тайна великая, что предки людские пришли из Нави, и закрыть проход, значит отдать забвению историю свою...

Попрощались богатыри, облобызались и разошлись на том. Святогор, вновь исполином ставши, переступил Горы Святые, хлопнул в ладони и исчез навек. Повеяло на миг духом стороны иной, но развеял ветер его во все стороны – закрылись двери в Навь, и только от Ильи отныне зависело – открыться ли им, аль запертыми быть до конца всего времени. И запричитали калики:

– Нет, Илья, прощения тебе за отказ Року своему следовать! И виной тебе не то, что каликам вскоре дорог не сыскать и путями сиими не хаживать, а знать и не отыскать вам друга друга отныне с Горынинкой, но и то, что беде лютой случиться в скорости. Не бывало такого до селя, чтоб врата в Явь запечатаны были, ведь из Нави не только зараза да Аспиды просачивались, но – и благодать Рода, суть творца всего сущего. Его хоть неблагодарный люд и отринул, пред богами иными теперь преклонившийся, но любовь его от того не уменьшилась и оберегом служила им... – И со словами этими ушли прочь калики раздосадованные и следа своего не оставили.

Речи эти в самую душу Илюшу ранили, но не опустил он рук своих, ибо знал, что по силам отыскать ему его избранницу – влюблённое сердце отыщет Горынинку! Собрался Илья Муромец в путь дорогу дальнюю и двинулся в след солнцу закатному...

А калики перехожие поклявшись сохранить в веках правду о происхождении людском, разошлись по земле всей, кто куда направившись. Но нашлись и такие, кто по путям всё ещё сохранившимся в Навь ушли, за Святогором последовав...

4

Уроки каликами даденные не прошли зря для Ильи, да и закрытие врат, видать, ещё не аукнулось в мере полной, ибо зрел он пути тайные, и брёл по ним, следы своей суженной выискивая. И то, что видели глаза его наполняло сердце горечью – всюду разорённые земли да пожарища. Где басурмане князьёв стравили друг с другом, где сами прошли, за собой оставив лишь нищих да страждущих. Где же люди отпор какой дать чаяли, так и вовсе ни сирот, ни калек, ни вдов не пощадил никто. Как же так?! – сокрушался Илюша думами, – защити людей от чудищ и гадов из Нави выползших, так они сами им уподобятся...

И вот привели Илью его поиски под Чернигов-град, и вновь подивился он тут запустению – по дорогам не ходит никто, на нивах хлеб к земле клонится, пожать его некому, даже птицы на небе не видывать... Вдруг видит Илья, на перекрёстке дорог Левонидовом стоит дружина со щитами да саблями. И спрашивает у них Илья Муромец:

– Гой вы еси богатыри русские, а скажите вы отроку неразумному, где весь люд мирской да черниговский?

Молвил ему в ответ богатырь на коне вороном, с булавой за толстым поясом:

– Кто ж таков ты, откуда путь свой держишь, коль неведомы тебе беды здешние? Я Лука Толстоременный, сотник киевский, князем посланный на помощь черниговцам извести здесь разбойников. Мало бед нам Ордою посеянных, так нашлись душегубы проклятые, что купцов да мирян, во Христе сан принявших, изводят да грабительствуют...

– Звать меня Илья Муромец, ищу я каликов перехожих здесь прохаживавших...

– Боюсь, не видали мы их, здесь не хаживали с поры той, как Левонтий, патриарх киевский, приказал не пускать их в города да на дворы постоялые, ибо не по писаниям христовым живут они. И тебе, отрок, не следует по разбойным путям бродить в одиночестве, ещё попадёшься на поживу разбойникам...

И только молвил Лука слова сии, как вдруг свист раздался такой, словно загремели барабаны Перуновы! Заржали кони, на дыбы вскинулись, да седоков своих сбросили. Дружинники палицы да мечи на землю выронили да за головы вмиг похватились. И тут из кустов, да с берёз и дубов разбойники выскочили и на служивых набросились. От свиста и у Ильи голова кругом идёт, но силы нашёл в себе он на ногах своих выстоять. Увидел он зрением каликов, кто куда ступит и как двинется, что на уме у кого в схватке начавшейся, собрал свою волю в кулак и, как Святогор учил, в сечу ринулся. Удары его на головы разбойничьи сыпались, и они, не уразумев даже, кто напал на них, на землю бесчувственно попадали. Все лежат, лихоимцы с дружиною, лишь Илья стоит с атаманом разбойничьим.

– Кто таков ты, душа твоя окаянная? – Перевёл свой дух и спросил Илья.

– Был я некогда Одихматьев сын, да ничего у меня не осталось – ни семьи, ни дома, ни имени, кличут нынче меня Соловьём да разбойником.

– Прекратим, Соловей, давай свару сию, мы ж с тобой оба русичи, довольно и так крови пролито...

– Прав ты, отрок, в том, что кровь уже пролита, потому-то и нет мне покоя и радости. Я хочу отыскать отмщение, и виновным принести наказание. – И слова свои странные выплюнув, вновь он свистом зашёлся своим. В тот же миг на Илюшу он бросился, целясь в сердце ему засапожником, но не дрогнул Илья, вспомнив снова урок Святогоровый. Сделал шаг назад и тропую он каликов, вышел прям за спиной Соловьёвою. В толк не взять лихоимцу, куда подевался противник его, ведь только стоял пред ним он, не двигался, но кинжал только воздух рассёк. А когда увидел он, что за спиной Илья, повернуться хотел, как вдруг ударил его отрок в лицо кулаком. Навзничь рухнул Одихматьев сын, вмиг глаза лишившись.

– Что ж ты не послушал меня, Соловей. Говорил тебе, свары не надобно. Коли молвил ты, что за тобою правда есть, неужель душегубство – решение? Ты взгляни сколь страданий и горестей людям выпало, так зачем и тебе его множить тогда?

– Не знаю, из каких краёв к нам явился ты, добрый молодец, коль речами таким разбрасываешь. Видать молодость в тебе ещё глупая. Я и сам раньше был таким, в бога веровал, почитал своих пращуров, а когда князь пострадать за Русь позвал, не таился, в дружину пошёл. Думалось нам, воевали за дело мы правое, оказалось же бить пошли братьев своих по указке князьевой, вместо того, чтобы дать Орде отпор. А домой воротился, так настигла нас благодарность княжеская. Попы пришли с дружиной из Киева, мол, крови в бою пролитой мало им, им надобно злата, да хлеб весь отнять, мол, закон велит так христовой веры-то. А зима пришла, хворь да голод унесли за женою вслед дочерей моих трёх за какие грехи, ты ответишь мне? И коль правды нет, повёл я зятьёв и братёв моих справедливость искать, только нет её...

Оказалось, слушал его не один Илья. Богатырь Лука в себя пришёл уже и молвил:

– Ты юнцу зубы-то не заговаривал бы, как я вижу, он не так уж прост, коль в одиночку одолел твою шайку с тобою в придачу, и жизнь нам спас, за что благодарен тебе я, Илья Муромец, и в долгу не останусь. В Киев отвезём Соловья мы, там за все грехи свои ответит он ...

Пустило корни свои семя сомнений, словом соловьёвым обрonnenое, в душе Ильи. И сказал он тогда Луке Толстоременику:

– Ежели правду сказал ты, Лука, что благодарен мне, то долг свой уплатишь, коль проследишь, чтоб по чести судили его.

– Чудной ты, Илья, но слово своё даю тебе. А ни хочешь ли в дружину мою?

– Нет, Лука, не могу пока. След мне сначала каликов отыскать.

– Ну как знаешь, отрок, передумаешь коль, отыщи меня в Киеве. – Пристегнул он Соловья к правому стремени, на коня взвалив, и отправился с дружиной своей и прочими пленными в сторону стольного града Киева...

А Илья же вновь по следу пошёл за каликами. Голову его наполнили думы тяжкие – как ему в стороне оставаться, когда такая несправедливость всюду? Не поэтому ль Святогор его в мир отпустил? Не мог же не знать он, что не по силам Илье будет вести жизнь праздную, когда несчастьем земля полнится?..

5

Уж минула зима, и сошли снега. Половодные воды напитали землю. Нежной листвою оперились леса, зазеленели поля бескрайние. И чем больше ходил Илья по землям русичей, тем реже замечать стал следы набегов ордынских. В тот день же привела дорога его почти к самому Киеву, шёл он мимо города Курцовца, когда вновь донёс ветер до него дым чёрный с пожара и звон мечей да стрел сечи кровавой. Не раздумывая, ринулся Илья Муромец в схватку жестокою. Видит он избы да терема огнём занимаются, взрыта земля, кровавой пеленою покрытая. Лишь церковь стоит цела невредима, народом полнится: бабы с детьми слёзы льют, у бога спасенье вымаливают. Окружила её татарва в числе тьма тьмущая! И стоит супротив них богатырь единственный, все защитники прочие полегли уже. Рубаха красна от крови его, в груди стрелы торчат, на ногах жилы подрезаны, но стоит на земле твёрдо он и рубит булатом ворогов...

Подхватил Илья Муромец с земли саблю кривую татарскую и ринулся на подмогу могучему витязю. Тропами каликов хаживая, он, то с одного края войска супостатова, то с другого появлялся, сёк их головы басурманские. Никак в толк им не взять, кто напал на них, и подумалось им, воевода какой вдруг явился с ратью княжеской в помощь курцовцам. И трубит тогда сотник вражеский отступать в чисто поле скорей. Ускакали прочь, что их след простыл, как рухнул в тот же миг витязь раненый. Подошёл к нему Илья, на колени пал пред героем сим:

– Одолел ты их, славный молодец, и спасён народ твоей доблестью. – Молвил тихо ему Илья Муромец. – Ты, родной, поживи ещё, нам с тобой терема рубить, да поля орать, землю вспахивать...

– Да боюсь, увы, мне борозд впредь не помётывать, не крестьянствовать. И не сдюжил бы я сию силу тёмную, не приди коль ты на подмогу мне. Вижу я в тебе силу каликов да печать во лбу Святогорову.

Диву дался Илья знанью пахаря, ведь уверен был, никого уж нет, кому ведома сия истина.

– Правь с тобой, оратаюшко. Звать меня Илья Муромский, был я давеча подмастерьем Святогоровым. Дал наказ он мне жизнь в миру прожить, а потом воротиться на пост его, охранять врата из Яви в Навь. Скажи и ты мне величать тебя как?

– Имя моё Микула Селянинович. Мы хоть в Курцовце во Христе живём, но всегда при-вечаем каликов с большой радостью, даже нынче вопреки указаньям Левонтьевым. Так что знамо мне их учение.

– Ты поведай мне, как случилось так, хоть живёте прям у самого града Киева, но навалилось на вас войско ханское? Неужто позабыл о курцовцах ваш Владимир князь?

– Не исповедимы мне думы княжие, и не знамо мне о чём мыслит он. Одно ясно всем не опора он нынче нам. Жили мы теперь лишь надеждою, что не даст в обиду нас воевода киев-

ский Никитич Добрынюшка. Он приходится мне сыном названным, взял он в жёны Настасью, дочь мою. Не по своей воле, видать, не явился он к нам. А коль добиться ты истины жаждешь, след идти тебе напрямиком к нему. Я бы сам пошёл, учинил бы спрос, но, увы, теперь не подняться мне.

– Ой, ты батюшка Микула Силянинович! Я клянусь тебе справедливость сыскать и о людех мирском позаботиться!

Словно ждал сих слов Микула Силянинович, его опала грудь, он глаза закрыл, вечным сном уснув. Встал Илья Муромец, на руки взглянул свои – кровь каплет с них. Сжалось сердце его, окаменела душа, и навалились думы чёрные.

– Ох, прости меня, зазноба моя, Горынинка! Не найти мне тебя до поры до той, покуда правит здесь сила чёрная, и льются слёзы да кровавый дождь. – Промолвил Илья, с лица соль смахнул, и направился в стольный Киев-град...

6

Возвещая о начале нового дня божьего, звонили колокола во всем Киеве златоглавом. Отворились городские ворота – поспешили в стольный град купцы да гости иноземные. Заполнились площади, рынки людом мирским, торговля зашпорилась.

Шёл Илья по улочкам киевским напрямиком к княжьим палатам, что на самом высоком холме возвышались. Как вдруг видит он, на коне златогривом во главе каравана торгового едет купец до боли ликом знакомого. Вспомнил он, где его видывал – на том рынке невольничьем. В сей час сменил он кафтан свой заморский с узорочьем всяческим, ехал да на гуслих поигрывал, с мирянами всеми с улыбкой здороваясь. Встречали все его с искренней радостью, разнося по всем улицам:

– К нам Садко прискакал, люди добрые! Воротился купец из самого Новгорода!

И подумал Илья: «Ах, коли б знали вы, кто же есть в самом деле он! Не встречали, поди, его с песнями, ежели знали они, каким златом сундуки наполнял он, продавая в орде пленных русичей...»

И решил тогда Илья в след Садко пойти, дабы пред князем да его дружиною того на чистую воду вывести. Прошёл за ним во двор палат княжих, а там столы от явств всяких ломятся, мёд хмельной рекой разливается! Горожане толпятся вокруг, угощениям радуясь. Садко приказал полог с телег своих снять, и увидел народ честной бочки винные.

– Налетай, друзья, вот гостинец вам мой в честь святого дня богом посланного! – Садко приговаривал, сам же дальше пошёл в сени княжие. Расступились стрельцы, пропуская купца, затворив за ним дверь, скрестив секиры свои – не пройти через них, не затеяв свар.

Что же делать ему? Как в хоромы пройти? И увидел Илья, как из дверей в стороне блюда с явствами новыми выносятся стряпчими. Подошёл он к ним, преступил через порог, но не шагом простым, а каликов тропой перехожею. И не в кухню вошёл, а прям в княжьи комнаты. Зал сей народом полнился, все за столами сидели богатыми. С одной стороны рать была, с другой – бояре почтенные, во главе ж восседал князь Владимир-батюшка с женою прекрасницей. Слева сам Садко присел, справа – митрополит, поди Левонтий, раз крест золотой на груди висел. Всюду кубки звенели наполненные, поднимались за здравие княжее.

Стрельцы-охранители, было, к Илюше кинулись, как увидели, что тот к князю идёт. Увидел Владимир сего отрока юного, и махнул им рукой, мол, подходит пускай. Никто ж кроме него словно и не заметил появление сего молодца, дружина песнь затянула казацкую, бояре меж собой всё шептались. Лишь в газах Садко, Илья прочёл узнавание, а Левонтий освятил себя крестным знаменем. Встал Владимир князь, и гостям кивнул, чтоб замолкли те, и промолвил Илье тихим голосом:

– Кто таков ты есть, добрый молодец? С чем пришёл сюда? По делам каким?

– Здравствуй буде ты, княже киевский! Отрок я простой, Илья Муромец...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.